

Сложили трапезата, яли, пили и се го щавали цяла ноц. На заранта, като си тръгнал дядото, зетят му метнал на гърба един кожух от червени лисици, изпратил го накрай селото и му целунал ръка («Галената щерка»). Таким образом, и от родителей требуется воспитать детей приученными к труду.

Подводя итоги, заметим, что болгарская сказка в подходе к «женскому» вопросу характеризуется меньшей прямолинейностью и даже некоторым психологизмом. Так, жена в сказке про овчара сама пожалела мужа и отказалась от своего любопытства, а в последней сказке каменотес действительно был уверен в своем главенстве в семье. Болгарская сказка демонстрирует более «снисходительный» взгляд на женщину: мужчина не стесняется признаваться, что слушается свою жену, и практически не идет речь о наказании ее побоями. Трудолюбие же и хозяйственность ценятся очень высоко. В целом обе славянские культуры в сказке закрепили сходные взгляды на женщину, хотя некоторые различия также могут быть выявлены.

Литература

1. Аврамова В. Лингвокультурология. Шумен : Универ. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2007.
2. Български народни вълшебни приказки. София : Дамян Яков, 2004.
3. Български народни приказки за змейове и самодиви. София : Дамян Яков, 2004.
4. Домострой. М. : Сов. Россия, 1990.
5. Имало едно време... 101 български народни приказки. Пловдив, 2006.
6. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М. : Астрель : АСТ, 2003.
7. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева / сост. А.А. Горелов. Л. : Лениздат, 1983.
8. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева : в 3 т. / изд. подгот. Л.Г. Барог и Н.В. Новиков. М. : Наука, 1984–1985.
9. Русские народные сказки / сост., вступ. ст. и примеч. В.П. Аникина. М. : Правда, 1985.
10. Семенова М. Мы – славяне!: популярная энциклопедия. СПб. : Азбука-классика, 2005.

* * *

1. Avramova V. Lingvokulturologiya. Shumen : Univer. izd-vo «Episkop Konstantin Preslavski», 2007.
2. B'lgarski narodni v'lshebni prikazki. Sofiya : Damyan Yakov, 2004.
3. B'lgarski narodni prikazki za zmeiove i samodivi. Sofiya : Damyan Yakov, 2004.
4. Domostroy. M. : Sov. Rossiya, 1990.
5. Imalo edno vreme... 101 b'lgarski narodni prikazki. Plovdiv, 2006.

6. Levkievskaya E.E. Mifyi russkogo naroda. M. : Astrel : AST, 2003.

7. Narodnyie russkie skazki A.N. Afanaseva / sost. A.A. Gorelov. L. : Lenizdat, 1983.

8. Narodnyie russkie skazki A.N. Afanaseva : v 3 t. / izd. podgot. L.G. Barag i N.V. Novikov. M. : Nauka, 1984–1985.

9. Russkie narodnyie skazki / sost., vstup. st. i primech. V.P. Anikina. M. : Pravda, 1985.

10. Semenova M. Myi – slavyane!: populyarnaya entsiklopediya. SPb. : Azbuka-klassika, 2005.

Reflection of notions of male and female family roles in the language of the Russian and Bulgarian folk tales

There are considered the notions of the basic family roles of a man and a woman reflected in the Russian and Bulgarian folk tales. The main attention is paid to the most important for each nation quality of a husband and a wife, as well as to those which are the most preferable for marriage.

Key words: *ethnolinguistic world picture, folklore concept, folk tale, basic values of the ethnos.*

(Статья поступила в редакцию 18.07.2014)

Ю.А. ГУРСКАЯ
(Минск)

АНТРОПОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

Описывается историческая антропонимия северовосточной части Беларуси, зафиксированная в памятниках деловой письменности Великого княжества Литовского XV–XVII вв. Характерной чертой антропонимии исследованного региона является пересечение, наложение онимических рядов, что обусловлено контактированием, взаимовлиянием разных языков и культур.

Ключевые слова: *ономастика, антропонимия, языковые и культурные контакты, интерференция.*

В настоящее время актуальной является проблема исследования фамилий как особого лингвокультурного феномена, что связано с актуализацией антропоцентрической парадигмы в гуманитарных исследованиях. Особую роль анализ ономастических материалов мо-

жет сыграть в изучении языковых контактов, поскольку ономастическая система с течением времени становится своего рода хранилищем реликтов древности [4, с. 12].

Проблемы межъязыковых и культурных контактов в сфере ономастики глубоко и всесторонне рассматривались в основном на материале топонимии (Р.А. Агеева, К. Буга, В.А. Жучкевич, Г.М. Керт, А.К. Матвеев, О.Т. Молчанова, В.А. Никонов, Н.В. Подольская, В.Н. Топоров, О.Н. Трубачев и др.). В меньшей степени изучены вопросы, связанные с взаимовлиянием языков в области антропонимии, что определяет актуальность исследования.

Целью статьи является исследование взаимодействия антропонимических систем на полиэтничной территории на примере одного из пограничных регионов Беларуси – Витебщины и Могилевщины, который находится на пересечении славянских и неславянских ареалов. В XIII – XVII вв. данная территория входила в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ), которое населяли разные народы и этнические группы, пользовавшиеся собственным языком или диалектом и одновременно канцелярским языком, что приводило к языковой интерференции [2].

Этнолингвистические отношения, существовавшие на территории ВКЛ, находят отражение также в исторической антропонимии. Среди фамилий этнонимического происхождения на исследуемой территории зафиксированы: а) образованные от названий этносов и этнических групп, проживавших на территории ВКЛ и Речи Посполитой; б) восходящие к названиям этносов, проживавших в других европейских и неевропейских странах; в) включающие этнонимические конкретизаторы, входящие в антропонимическую формулу.

В памятниках зафиксированы антропонимы этнонимического происхождения, называющие следующие этносы и этнические группы: славянские (*Москал* – ст.-бел. ‘подданный Московского государства’; *Хохол*; *Словак*; *Лях*; *Чех*; *Кашуба*; *Мазур*, *Poliak*, *Болгарин*); балтийские (*Латыш*, *Литвин*; *Прус*); западноевропейские (*Немецъ*; *Wloszek*; *Шведъ*) народы. Отмечены фамилии, образованные от названий неевропейских народов: *Жидъ*, *Козар*, *Орменьчикъ*, *Татарин*, *Турко*, *Черкасъ*, *Чувашов*.

Согласно Л. Беднарчуку, каждая из этих этнических групп использовала собственный этнолект и канцелярский язык, обогащая последний элементами своего этнолекта. В то же время в собственные этнолекты данные этнические группы вносили определенные компо-

ненты, характерные для канцелярского языка. В качестве канцелярского языка ВКЛ до XVII в. функционировал западный вариант старорусского правового языка, насыщенный локальными диалектными особенностями (отсюда его условное название старобелорусский язык), который после Люблинской унии 1569 г. постепенно был вытеснен польским языком [5, S.18]. Памятники письменности XV – XVII вв., из которых был извлечен антропонимический материал, написаны на упомянутом варианте канцелярского языка, частично на польском и латинском языках.

Необычайно сложные религиозные отношения на землях ВКЛ также требовали употребления разных языков и алфавитов. Литургическим языком римско-католического костела был латинский язык, а вспомогательными языками – польский, литовский и белорусский. В православной и униатской церквях использовался церковнославянский язык, насыщенный в разной степени элементами разговорного белорусского, частично украинского языков. Языком богослужения евреев и каримов выступал древнееврейский. В качестве языка литургических текстов литовские татары использовали арабский язык, а вспомогательными языками до XVII в. были белорусский и польский, записанные арабским алфавитом, выполнявшим одновременно сакральную и тайную (относительно неверных) функции [5, S. 24–25].

По мнению Н.Б. Мечковской, с учетом дифференциальных признаков, значимых для типологии языковых ситуаций, ситуация на белорусской этнической территории в ВКЛ может быть охарактеризована как «1) многокомпонентная; 2) многоязычная; 3) демографически неравновесная; 4) коммуникативно несбалансированная; 5) с различным юридическим статусом образующих ситуацию языков; 6) совмещающая близкородственное и неблизкородственное двуязычие; 7) эндозоглоссная, т.к. один из престижных языков, «проста мова», был родным для большинства населения, а другие (церковнославянский, латынь) были не местного происхождения; 8) диглоссная до середины XVI века и недиглоссная впоследствии» [3, с. 104].

Сложная языковая ситуация на территории ВКЛ оказала влияние на формировавшуюся систему фамилий, в которой с историко-этимологической точки зрения можно выделить разные по характеру и времени происхождения пласты. Значительную часть составляют фамилии, в основе которых лежат христиан-

ские имена. Зафиксированы также фамилии, образованные от традиционных мусульманских и древнееврейских имен, которые играли ту же роль, что и христианские имена, даваемые при крещении. Обширную группу составляют антропонимы славянского и балтийского происхождения, образованные от апеллятивных личных имен и прозвищ. К третьей группе можно отнести фамилии, которые восходят к древним сложным именам индоевропейского типа. Рассмотрим каждую группу.

Наиболее частотными являются фамилии, образованные от христианских имен. Значительная часть имен, бытовавших в белорусском ареале в XIV – XVIII вв., относилась к двум сосуществовавшим именованным системам – православной и католической, которые, с одной стороны, оказывали друг на друга влияние, а с другой – испытывали воздействие канцелярских языков и этнолектов. Существование разных языков и этнолектов приводило к появлению графических и фонетических вариантов, которые отражали следующие явления:

а) смешение заднеязычных согласных – белорусского [h], польского [g], [ch] и литовского [g], обозначавшегося в памятниках диграфом *kg*: *Bogdanowicz / Bohdanowicz*; *Гаврацкий / Кгаврацкий*; *Глебович / Chlebowicz*;

б) палатализация переднеязычных согласных перед гласными переднего ряда, а также перед согласным, что характерно для белорусского и польского языков: *Грицкович* < бел. разг. *Гриц* (: *Григорий*) наряду с *Гриткович*; *Мицкович* < бел. разг. *Мицько* (: *Димитрий*), наряду с *Миткович*; *Radzkiewicz* < бел. разг. *Радзь*, польск. *Radź* (: церк. *Родион*) и *Радкович*;

в) наличие белорусского безударного [a] наряду с польским [o]: *Афанасович* и *Ofanowsowicz*;

г) появление интервокального [в]: *Левонич* < *Левон* (: *Леонтий*) наряду с польским *Leonowicz*;

д) замена согласного [ф] близкими по артикуляции [п], [х] или [хв], иногда их смешение: *Стефанович / Стехванович / Scieranowicz*; *Ходорович* < *Ходор* (: *Феодор*). Наряду с фамилиями *Хомин*, *Хоминич* < *Хома* (: правосл. *Фома*) отмечены онимы, образованные от католических имен: *Томашов* < бел. *Томаш* (: польск. *Tomasz*).

Процессы адаптации к белорусскому языку, например появление протетических [v], [γ], отражены в арабо-мусульманских и древнееврейских антропонимах: *Восманович* наряду с *Осман*; *Heliasz* наряду с *Eliasz*.

Существование и взаимное влияние этнолектов и языков отражено и в апеллятивной лексике, на базе которой образовывались фамилии. Значительную группу составляют фамилии, образованные от восточнославянских имен и прозвищ, среди которых выделяются антропонимы, содержащие лексемы белорусского языка: *Деско Ескович Жоров* < *жораў* ‘журавль’; *Василей Хлусович* < *хлус* ‘врун’; *Отушко Шостакович* < *шастак* ‘шестой, монета в три копейки’; *Матыс Шпак* < *шпак* ‘скворец’ [АВАК, с. 112, 182, 267, 330]; *Мацей Цибуля* < *цыбуля* ‘лук’ (ИЮМ, вып. 28, с. 170).

Отмечены фамилии, образованные на базе польского языка: *Mikołaj Golebiowski* < *golaб* ‘голубь’; *Janus Dworzanski* < *dworzanski* ‘дворянский, шляхетский’, *Marcyan Krzywicz* < *krzyw* ‘кривой’, *Sidor Rękawiczny*, ср.: польск. *rękawicznik* ‘ремесленник, делающий рукавицы’, *rękawica* ‘рукавица’, *Isay Szczesny* < *szczesny*, ст.-польск. *szczesny* ‘счастливый’ (БА, т. 1, с. 101, 218, 207, 163, 90); *Иван Дзянькуя* < *dziękuje* ‘благодарю’ (ИЮМ, вып. 30, с. 248).

Исторические данные свидетельствуют о тесных контактах балтийских и славянских племен в данном регионе, что находит подтверждение в отпрозвищных фамилиях литовского происхождения: *Демяна Гурды* (ИЮМ, вып. 1, с. 13), ср.: лит. *Gurdus* < *gurdùs* ‘бесильный, беспомощный’ [8, т. 1, р. 746]; *Роман Можейко* (ИЮМ, вып. 2, с. 335) < лит. *Mažeikis* < лит. *māžas* ‘небольшого роста, маленький’ [8, т. 2, р. 191–194]; *Цярешка Пикуля* (ИЮМ, вып. 30, с. 248), ср.: лит. *Pik-ulis*, *Pikelis* < лит. *pik-ulis*, *pik-ulas* ‘злой дух, черт’, *piktas* ‘злой’; др.-прусс. *pick-ūl-s* ‘черт’, лтш. *pik-ul-s* то же [4, с. 64]; *Алексей Стракиш* (ИЮМ, вып. 32, с. 227), ср.: лит. *Strakėnas* < *strakùs* ‘проворный, ловкий’ [8, т. 2, р. 829]; *Семену Шалтуку Василевичу* (ИЮМ, вып. 32, с. 162), ср.: лит. *Šaln-as*, *Šalt-enas*, *Šalt-inis*, *Šalt-is*, *Šalt-ys* < лит. *Šalna* ‘заморозки’, *šaltis* ‘холод’ [8, т. 2, р. 882–883].

Отмечены фамилии, которые могут восходить как к литовскому, так и к латышскому языку: *Воболя Мацька* [БА, т. 2, с. 89], ср.: лит. *Vābalas* < *vābalas* ‘жук’, лтш. *vabole* – то же [8, т. 2, р. 1123]; *Звейна Милька* (БА, т. 2, с. 92), ср.: лтш. *zvejnieks* ‘рыбак’, диал. лтш. *zvejnes* ‘чешуя’.

Зафиксированы фамилии балтийского происхождения, которые восходят к сложным именам индоевропейского типа: *Gabriel Kim-bar* (БА, т. 1, с. 152) < лит. *Kimbaras*, *Kim-bartas*, *Kin-baras*, *Kin-bartas*. Компонент *Kin(t)- / Kan(t)- / Kim-* соотносится с гнездом родственных слов: лит. *kēsti*

‘терпеть, выносить’, *kentėti* ‘страдать’, *kan-tus* ‘терпимый’, *pakantà* ‘терпимость’ [8, т. 1, р. 913–914]. Антропооснова *Var-* связана с лит. *barti* ‘бранить, ругать’; рус. *бороть*; *Яков Нарбут* (АВАК, с. 218), ср.: древние литовские антропонимы с компонентом *Nar-* / *Nor-* в качестве первого члена (*Nór-butás, Nór-bū-tas, Nor-gelas, Nor-gēlis, Nór-mantas, Nór-vainis, Nor-váišis, Nór-vidas* [8, т. 2, р. 296–297]). В качестве второго члена компонент *Nor-* выступает в сложных антропонимах: лит. *Baĩ-noras, Beĩ-noras, Būt-noras, Daug-norà, Eĩ-norasi* и др. Компонент *Nar-/Nor-* связан с лит. *norėti* ‘хотеть, желать’, *noras* ‘желание; охота, воля’ [8, т. 2, р. 296–297]. Второй компонент *But-* соотносится с лит. *būti* ‘быть’, *būtis* ‘бытие’, др.-прусск. *būton* ‘быть’, *buttan* ‘дом’; рус. *быть*.

В меньшей степени отмечаются антропонимы от прозвищ тюркского происхождения: *Федора Бердея* < *Берди* < *ber + di* ‘он дал’; *Корсак* < тюрк. *gorsaq* ‘степная лисица; вообще лиса, волк’, тат. *карсак* то же; *Петр Кучук* < тат. *küçük* ‘маленький, низенький, молодой; щенок’ [1, с. 62, 73, 177].

Единичными примерами представлены фамилии западноевропейского происхождения, среди которых преобладают немецкие: *Hans Horn* (БА, т. 1, S. 217); *Ганус Шмидт* (БА, т. 2, S. 230) < нем. *Schmidt* [7, т. 2, р. 338, 519].

Языковые контакты, проявившиеся в словообразовании, приводили к появлению гибридных единиц. Среди гибридных названий можно выделить следующие группы: антропонимы, образованные на базе а) балтийских, немецких, татарских лексических основ при помощи антропонимических суффиксов славянского происхождения; б) славянских основ и суффиксов балтийского происхождения. Отдельную группу составляют сложные единицы, в которых объединяются компоненты уже сформировавшихся разных антропонимических систем.

К первой группе относятся единицы, образованные с помощью патронимического форманта *-ович* / *-евич*, который фиксируется в памятниках на всей территории ВКЛ, участвуя в образовании фамилий славянского, балтийского, татарского, еврейского происхождения: *Евневич* < лит. *Jaiñis* < *jaunas* ‘молодой’; *Сольтанович* < *Салтан* < араб. *sultān*; *Шлом-ич* < *Шлома*: Соломон; *Мошк-ович*, ср.: *Мовшович, Мошес, Москович* < *Mosé*: Моисей. Однако преобладал данный формант в фамилиях, образованных от восточнославянских апеллятивов, а также от православных имен.

Фамилии с суффиксом *-ский* / *-цкий* характерны для польской шляхты, о чем свидетель-

ствует не только антропооснова фамилии, но и личные имена в составе антропонимической формулы: *Фронц Желеховский, Войтех Колуцкий, Кристоф Метлицкий, Ян Новацкий, Ян Словицкий, Бартош Тарноцкий* (АВАК, с. 28, 438, 500, 152, 525, 401).

Отмечены также фамилии на *-ский* / *-цкий*, образованные от литовских, немецких, татарских апеллятивов, отражающие процесс колонизации данных родов: *Бурневский*, ср.: лит. *Burnus, Burnys, Burneyko* < *burnà* ‘рот’ [8, т. 1, р. 359], *Кушлянский*, ср.: лит. *Kušlys, Kušléika, Kušlis* < *kūšlas* ‘подслеповатый’ [8, т. 1, р. 1140]; *Шванский*, ср.: нем. *Schwan* ‘лебедь’ [7, S. 530].

Спорадически зафиксированы антропонимы, содержащие балтийскую антропооснову и другие славянские форманты, например суффикс *-уха*, представленный в славянской антропонимии: *Давыд Ятуха* (ИЮМ, вып. 30, с. 304). В основе антропонима лежит корень *Jo(t)-*, ср.: литовские сложные антропонимы *Jo-skaudas, Jo-daugas, Jo-gintas, J-mantas*; др.-прусск. *Jo-gaude, Jo-mandt* [8, т. 1, р. 846]. Источником антропонимов с компонентом *Jo-* является гнездо генетически родственных слов: лит. *eiti* ‘идти’, *joti* ‘ехать’, др.-инд. *yā* ‘идти, ехать, ходить’, *yānas* ‘путь, дорога’ [4, с. 73].

Отдельную группу составляют балтийские антропонимы с формантами *-eika, -elis, -enis, -ulis*: *Моз-еуко, Szup-ienia, Кзер-ул-ис; Матюль, Петр-ель*. При этом балтийский формант *-eika* зафиксирован также в сочетании со славянскими апеллятивами: *Гугнейка; Тольстеико-вичь; Кисл-ейк-ович*.

Отдельные фамилии являются гибридными образованиями, возникшими в результате пересечения компонентов разных антропонимических систем, ср.: *Станислав Яркогаль* (АВАК, с. 418). Первый компонент антропонима *Яр-* восходит к сложным славянским именам типа *Ярополк, Ярослав* или белорусским народным формам христианских имен типа: *Ермолай* > *Ярмола, Еремейш* < *Ярема*. Второй компонент *Gaud-* зафиксирован в сложных балтийских именах типа *Jo-gaudas, Eĩ-gaudas, Kār-gaudas, Mil-gaudas, Rim-gaudas*. Антропооснова *Gaud-* соотносится с лит. *gāisti* ‘гудеть’, *gaidė* ‘звучать’. Изменение дифтонга *ai* → *ol* связано с особенностями белорусского произношения XV – XVI вв., когда произносили вместо *-л-* (твердого) *-ў-*, в то время как в соответствии с письменной традицией писали *-л-* [6, р. 265–266].

Таким образом, в антропонимии восточной части Беларуси, как и на всей территории ВКЛ, широко отражены процессы взаимовли-

яния различных этнолектов и языков, пересечения, наложения антропонимических единиц, что было обусловлено контактированием разных языков и культур.

Литература

1. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М. : Наука, 1969.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск : БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
3. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика : пособие для студ. гуманит. вузов и учащихся лицеев. М. : Аспект Пресс, 2000.
4. Юркенас Ю. Основы балтийской и славянской антропонимики. Вильнюс : CIKLONAS, 2003.
5. Bednarczuk L. Językowyobraz Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków : Lexis, 2010.
6. Būga K. Rinktiniairaštai : 3 t. Vilnius. 1958. Vol. 3.
7. Gottschald M. Deutsche Namenkunde. Berlin; N. Y. : Gruyter, 1982.
8. Lietuvių pavardžių žodynas: 2 t. / A.Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. Vilnius : Mokslas, 1985–1989.

Источники

- 1 АВАК – Акты, издаваемые Археографической Виленской комиссией для разбора древних актов : в 39 т. Вильна, 1915. Т. 39.
2. БА – Беларускі архіў. Т. 1. : Матэрыялы і дакументы да гісторыі Беларуска-Літоўскай дзяржавы (XVI—XVII ст.). Мінск : Інбелкульт, 1927.
3. БА – Беларускі архіў. Т.2. Літоўская метрыка (XV—XVI ст.). Мінск : Інбелкульт, 1928.
4. ИЮМ – Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской : в 32 т. Витебск, 1871–1906.

* * *

1. Baskakov N.A. Russkie familii tyurkskogo proishozhdeniya. M. : Nauka, 1969.
2. Vaynrayh U. Yazykovyye kontaktyi. Sostoyaniye i problemyi issledovaniya. Blagoveschensk : BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 2000.
3. Mechkovskaya N.B. Sotsialnaya lingvistika : posobie dlya studentov гуманит. вузов i uchaschihsya litseev. M. : Aspekt Press, 2000.
4. Yurkenas Yu. Osnovy baltiyskoy i slavyanskoy antroponomiki. Vilnyus : CIKLONAS, 2003.
5. Bednarczuk L. Językowyobraz Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków : Lexis, 2010.
6. Būga K. Rinktiniairaštai : 3 t. Vilnius. 1958. Vol. 3.
7. Gottschald M. Deutsche Namenkunde. Berlin; N. Y. : Gruyter, 1982.
8. Lietuvių pavardžių žodynas: 2 t. / A.Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite. Vilnius : Mokslas, 1985–1989.

Istochniki

1. АВАК—Акты, издаваемые Археографической Виленской комиссией для разбора древних актов : в 39 т. Вильна, 1915. Т. 39.
2. БА – Беларускі архіў. Т. 1. : Матэрыялы і дакументы да гісторыі Беларуска-Літоўскай дзяржавы (XVI—XVII ст.). Мінск : Інбелкульт, 1927.
3. БА – Беларускі архіў. Т.2. Літоўская метрыка (XV—XVI ст.). Мінск : Інбелкульт, 1928.
4. ИЮМ – Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской : в 32 т. Витебск, 1871–1906.

Anthroponomy as the source of research of language and cultural contacts

There is described the historic anthroponomy of the North Eastern part of Belarus fixed in the monuments of business writings of the the Grand Duchy of Lithuania of the XV—XVII centuries. The characteristic feature of the region anthroponomy is crossing of onymic lines, which is substantiated by contacting and influence of different languages and cultures.

Key words: *onomastics, anthroponomy, language and cultural contacts, interference.*

(Статья поступила в редакцию 29.09.2014)

О.С. ФОМЕНКО
(Волгоград)

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАГМАТОНИМОВ-ГЛОБАЛИЗМОВ: УЗУАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ОТПРАГМАТОНИМНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Рассмотрено понятие «прагматоним-глобализм». Проанализировано активное использование прагматонимов-глобализмов за рамками рекламного дискурса, и показана их способность подвергаться морфологическим трансформациям. Выделяются наиболее частотные узуальные способы отпрагматонимного словообразования, к которым относятся плюрализация и суффиксация.

Ключевые слова: *прагматоним-глобализм, морфологическая трансформация, узуальные способы, плюрализация, суффиксация.*

В настоящее время появилось достаточно много работ, посвященных словесным товарным знакам. Актуальность исследования этих искусственно созданных слов с позиций праг-